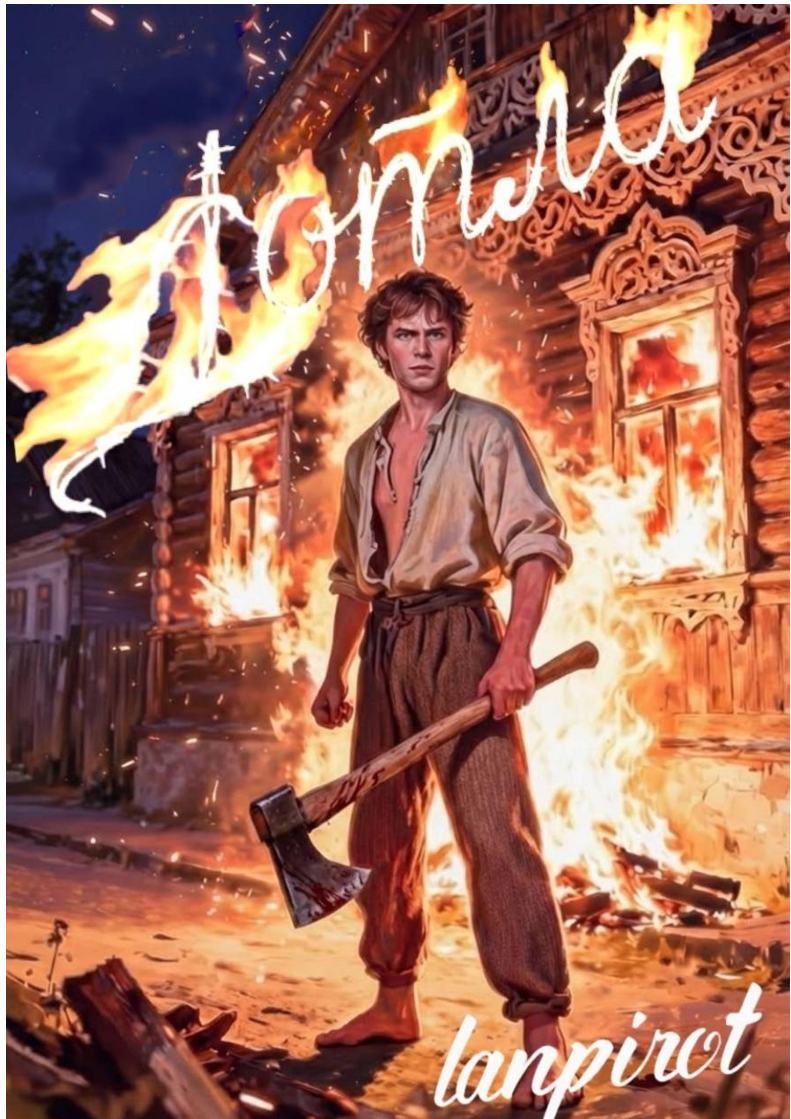

Lanpirot Lanpirot

Дотла

<https://litres.ru/74338993>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он погиб, спасая детей от пожара, а очнулся в 1916 году. В теле забитого крестьянского паренька. В стране, которая трещит по швам. В эпохе на краю революции и гражданской войны.

Как выжить в этот жестком мире, когда ты еще совсем мальчишка, а новое тело истощенно голодом и болезнями? Да еще и кулак-миродед жестоко третирует твою семью. До революции - несколько месяцев, но до справедливости - один шаг

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	45
Глава 5	59
Глава 6	72
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Lanpirot

Дотла

Глава 1

Пыль, черт бы её побрал! Опять эта грёбаная вездесущая пыль! Она повсюду. Она летает в солнечных лучах, временами заглядывающих в моё одинокое жилище, оседает на полированную поверхность мебели, на корешки книг и на рамки фотографий. Эта пыль совсем не похожа на желто-коричневую и хрустящую на зубах пыль афганских дорог, на красноватый «песок» Анголы или грубую и острую, словно мелкий наждак никарагуанскую пепловую пыль.

Обычная домашняя пыль тихая и незаметная, можно даже сказать – уютная и пушистая. Она не запорашивает глаза, не въедается в кожу, не забивает рот и нос так, что не продохнуть без защитной повязки. Она безобидная, эта домашняя пыль. Я уже давно с ней не борюсь, хоть она меня и весьма раздражает.

Не то чтобы у меня совсем не было на это сил или времени, нет – просто это мой маленький персональный ад, знак неумолимого времени, которое равнодушно стёрло меня в такую же мелкую невесомую труху. Я подобен ей во всём – серый, древний и никому не нужный старикан. Но, на разме-

нянном десятом десятке лет это, в общем-то, и не мудрено.

В последние годы именно она — мой главный собеседник. Молчаливый, но честный. Она не притворяется, не льстит, не ждёт от меня ничего. Она просто есть. Мы научились понимать друг друга, я и пыль. Мы оба — тихий итог когда-то бурно кипевшей жизни. Выпавший в отстой сухой осадок. И ей так же, как и мне, остаётся только молча ждать, когда придёт большой Ветер и развеет нас обоих в полное ничто.

Поднялся на ноги медленно, с расчётом, как сапёр на минном поле. Одно неверное движение — и спину скрутит приступом радикулита, либо суставы прострелит артрит. Девяносто три — это вам не возраст, это срок годности, который, к тому же, уже давно истёк. Тело стало ненадёжным и немощным: то скрипит, то отказывает, то жутко ноет по ночам, беря старые раны.

А память, чёрт бы её побрал, наоборот, работает с предательской чёткостью, вытаскивая откуда-то из подсознания такие моменты, которые я хотел бы забыть. Комната проплывала перед подслеповатыми глазами — эти стены помнили всё. Помнили, как здесь пахло пирогами, когда ещё была жива моя благоверная.

Помнили голос дочери и внучки, которая теперь звонит раз в месяц из Сан-Франциско, с другого конца света. Но её звонки — это набор вежливых, осторожных фраз, будто она говорит с ребёнком или с душевнобольным. Может, я и есть душевнобольной?

Ведь предлагала же она мне перебраться к ней «за бугор», только вот я наотрез отказался. Умереть там, в чужой стране, среди чужих лиц и «пластиковых» улыбок? Нет. Всё, что я когда-то любил, всё, что защищал, все, кого хоронил - здесь, на этой и в этой земле. И я здесь тоже останусь. Навечно. С моими родными и любимыми.

Пополз на кухню, хоть и нет у меня с утра аппетита, но надо хотя бы кружку чая осилить. Заварка в чайнике со вчерашнего дня. Экономлю, хоть пенсия у меня и хорошая, с надбавками за «заслуги перед отечеством». Заслуги... Да я жалею, что дожил... Дожил до того, чтобы увидеть, во что превратили мою великую страну - СССР.

Глоток чая обжёг губы и язык, но я этого не заметил. Мне было горько и стыдно, от осознания того, что я ничего не смог бы изменить – слишком мелкая сошка, чтобы остановить столь глобальные политические процессы. Да и не было меня на родине в самый ответственный момент... Только на стене моей кухни осталась пожелтевшая от времени карта. Но не с нынешней Россией, а с той, настоящей страной.

Красная, могучая, великая. Мы её собирали по крупицам, склеивали из осколков, отстаивали в боях, поливали кровью, не жалея собственных жизней. А они... они её просто разменяли на джинсы, иномарки и виллы за бугром. Предали и продали! Как по мне, это самое страшное предательство – предательство своего народа.

Перебрался в комнату, включил старенький телевизор.

Мелькают картинки. Какой-то блёклый депутат с мёртвыми глазами взхлеб говорит о возрождении. О каком возрождении может идти речь, когда у нас опять господа, а не товарищи? Когда презренные деньги, а не справедливость поставлены во главу угла?

А Идея? Великая Идея о всеобщем равенстве и братстве, ради которой мы готовы были умирать, ради которой гибли мои отцы и деды в Гражданскую, а товарищи - в Великую Отечественную и после... Её выбросили на свалку истории, как использованную упаковку. Просрали. Просто взяли и просрали всё, ради чего жили и умирали поколения. Сво-лочи!

Да, я – коммунист! Но не из этих, нынешних, что сохранили лишь название, утратив саму суть... Когда-то это слово гремело, как набат, и было смыслом жизни, дорогой к свету, даже оружием. Не даром же фрицы первыми расстреливали именно комиссаров и коммунистов. Это сейчас оно стало ругательством для одних и поводом плоских шуток для других.

Я же - музейный экспонат. А для меня - это все так же единственно верный взгляд на мир. Я видел слишком много, чтобы усомниться в верности Идеи. А Идея не виновата, что люди оказались настолько слабы.

Неожиданный звонок в дверь вырывал из мрачных мыслей. У меня редко бывают гости. Разве что соцработник, бойкая девица Лида, раз в месяц проверяет, не отправился ли я к праотцам, как она однажды обмолвилась по телефо-

ну, думая, что древний старикан, который старше, чем окаменевшее дерьмо мамонта, не слышит.

Но она была несколько дней назад и в этом месяце я её не ждал. Может, почтальона какого с квитанцией занесло? Так не носят мне никакие квитанции уже давно. А коммуналку мне Лида оплачивает с моей банковской карты через Интернет.

Делать нечего, пошёл открывать, цепляясь пальцами за дверные косяки. За дверью обнаружился молодой парень (для меня они все сейчас молодые, будь им даже за полста) в дорогой куртке, с чрезмерно гладким и сытым лицом.

– Пётр Иванович? – Завидев меня, он слащаво улыбнулся. – Я из социального фонда «Быр-быр-быр», - неразборчиво добавил он. - Готовим материал о ветеранах... великой отечественной и э-э-э... ветеранах спецслужб. Хотели бы взять у вас интервью, ведь вы же орденосеиц и...

Смотрю на него пристально и вижу в его глазах не интерес, а какой-то холодный шкурный расчёт. Я для него словно редкий экспонат, этакий реликт. Диковинка из прошлого, которую можно выставить для всех напоказ. Только мне вот такой популярности и даром не нать, и с деньгами не нать.

– Каких еще спецслужб? – спрашиваю я, и голос мой скрипит, как ржавые петли дверях.

– Ну, вы же воевали и работали в... – Он понижает голос, хотя лестничная клетка пуста, и нас никто не слышит. – В ГРУ. В те еще славные советские времена.

Сука! «Славные советские времена». Да меня тошнит и трясёт только от одной этой фразы. Все, кому не лень, теперь все вспоминают о «славных советских временах», которые сами же и спустили в унитаз. Хотя, именно этот пацан не виноват – он тогда еще и не родился даже.

– Ничем не могу помочь, молодой человек, – довольно резко произнёс я, начиная закрывать дверь.

– Но, Пётр Иванович! История! Мы должны сохранить память для потомков! – навязчиво произносит он, пытаясь всунуть в проём ботинок.

Я с силой пнул его по ноге.

– Мне с вами не о чем говорить... – рыкнул я, уже почти закрыв дверь.

Но в этот самый момент я замер, уловив в воздухе какой-то подозрительный запах.

– Стой! – Окликнул я «журналиста», уже собиравшегося уходить.

Он замер в недоумении. Я глубоко втянул носом воздух. Да, я не ошибся – пахло дымом. Но не привычным запахом табака из квартиры напротив, и не вонью от пригоревшей на плите еды. Это был тяжёлый запах горящего пластика и древесины. Запах настоящего пожара. Пока еще слабый, но...

– Чувствуешь, гарью пахнет? – спросил я, вглядываясь в ухоженное лицо незваного гостя.

Тот на мгновение растерялся, а затем тоже насторожено принялся.

– Действительно пахнет... – Кивнул он, и его голос прозвучал уже без идиотской слащавости. – Кажется, это где-то рядом...

Он сделал шаг назад, окидывая взглядом площадку. Запах же с каждой секундой нарастал, становясь всё более ощутимым и густым. В воздухе уже явно висела лёгкая дымная взвесь, заставляющая першить в горле.

– Смотрите! – Его голос дрогнул, и он указал рукой на дверь соседней квартиры.

Из-под порога и из щели между дверью и косяком тонкими, извивающимися змейками выползали едва видимые струйки серого прозрачного дыма. Они медленно и неуклонно ползли вверх, собираясь в облачко под самым потолком.

Тип из социального фонда испугано засуетился, его деловая хватка куда-то моментально испарилась.

– Там же люди могут быть... – испугано выдохнул он, и в его глазах читался неподдельный, животный страх. – Что делать?! Звонить в 112?

– Звони! – рявкнул я. – Быстро!

Сам же я рванул к соседской двери, с силой дёргая за ручку. Заперто.

– Эй! Вы там! – закричал я, изо всех сил колотя ладонью по металлическому полотну, оказавшемуся теплым, даже горячим. – Открывайте! Пожар!

В ответ из-за двери донёсся лишь какой-то невнятный крик и детский плач. Струйки дыма стали гуще и чернее.

Медлить было нельзя. Я точно знал, кто живет за этой дверью. Мать-одиночка, разбитная разведенка, сменившая за свою жизнь чуть не с десятков «мужей». Трое детей от разных отцов, которых она частенько оставляла одних. Черт знает, что они там устроили!

Адреналин, старый знакомый, про которого я уже и позабыть успел, резко и болезненно впрыснулся в старческие сосуды, заставив на мгновение забыть о ноющем и немощем теле. Не раздумывая, я оттолкнулся от двери и ринулся назад, в свою квартиру.

– Эй! Куда вы?! – услышал я испуганный крик «журналиста», но не стал оборачиваться.

Я влетел в комнату, чуть не споткнувшись о порог, и, тяжело дыша, рванул на балкон. Дверь с грохотом распахнулась. Я высунулся через перила, пытаюсь заглянуть на соседний балкон, отделённый от меня бетонной плитой. Но особо заглянуть у меня не получилось – этот балкон, в отличие от моего, был застеклён.

– Машка! Машенька! – прохрипел я что было мочи. – Маша, выйди!

Секунда, другая... Сердце бешено колотилось, готовое выпрыгнуть из груди. В моём-то возрасте так недолго и инфаркт схватить. Но, мне бы детей вытащить, а там уж и инфаркт пусть, и инсульт – я и так уж, чуть не два срока прожил. Наконец, я услышал, как дверь на соседский балкон скрипнула и открылась, и из квартиры выскочила девоч-

ка лет девяти-десяти, худая, мосластая, в растянутой кофте. Распахнув створку остекления, она испуганно взглянула на меня широко раскрытыми глазами.

– Деда Пётр? Там... там у нас горит...

– Мать дома? – крикнул я, стараясь говорить четко и громко. – А брат с сестрой?

– Пашка и Светка со мной... А мама утром ушла... – У девочки задрожал подбородок, она вот-вот была готова расплакаться.

– Слушай меня внимательно! – скомандовал я тем тоном, который не обсуждается. – Через дверь выйти сможете?

– Нет! – поспешно мотнула головой девчушка. – Вся прихожка в огне. И в комнате уже дыма много, хоть мы дверь и закрыли.

– Тащи малышей на балкон! Живо! И дверь за собой закрой! Будем вас ко мне на балкон эвакуировать. Поняла?!

Она кивнула, испуганно моргая, и исчезла в квартире. Я обернулся. «Журналист» стоял посреди комнаты, белый как полотно, и трясущимися руками тыкал в экран своего дорогого телефона.

– Ну что, дозвонился?! – рявкнул я.

– Да... Сказали - едем, ждите... – Его голос сорвался.

Я увидел, как на балконе сначала показалась Машка, таща за руку упирающуюся младшую сестренку лет трёх-четырёх. А за ними сам по себе из задымлённой квартиры вылез совсем мелкий мальчуган в одних подштанниках. Пока я оце-

нивал обстановку, мой «помощник» продолжал метаться по комнате, что-то несвязно бубня в телефон.

А вот ситуация складывалась хуже некуда. Окно в застекленной соседней лоджии было расположено в дальней от моего балкона секции, и перетащить через широкий пролет трех маленьких, перепуганных детей было абсолютно невозможно. Нужен был иной путь.

Взгляд упал на старую картонную коробку в углу балкона, где хранились забытые инструменты. Рука, будто сама собой, запустилась внутрь и нащупала холодную, шершавую рукоять тяжелого молотка. Мыслей особо не было – всё шло как будто «на автомате».

– Отойдите подальше! – крикнул я детям, замахиваясь.

Раздался оглушительный треск, и большой стеклопакет, покрытый пылью, рассыпался на тысячи острых осколков, которые с сухим шелестом посыпались вниз и на пол балкона. Соседские дети взвизгнули от ужаса, забившись в дальний угол.

- Все целы? - Не теряя ни секунды, я начал с силой, которую уже и не чаял ощутить в своих дряхлых руках, счищать тем же молотком оставшиеся острые осколки с нижней рамы, образуя относительно безопасный проем.

– Машка! Давай сюда самого мелкого! Живо! – скомандовал я, перегнувшись через перила и протянув руки к образовавшемуся пролому в остеклении.

Девочка, рыдая, подхватила на руки своего младшего бра-

тишку и, спотыкаясь, подбежала ближе. Но её худенькие ручонки дрожали от страха и напряжения. Она изо всех сил пыталась поднять и просунуть ко мне ребенка, но у нее не хватало сил, чтобы его поднять и удержать, до тех пор, пока я его не перехвачу.

Испуганный мальчонка плакал и вырывался, видя моё перекоренное напряжением лицо и грудку острых хрустящих стекол под ногами сестры.

– Не получается! – закричала в отчаянии Маша, едва не роняя брата на стёкла. – Деда Петя, я не могу! Он тяжелый и вырывается!

За моей спиной раздались шаркающие шаги. «Журналист», бледный и растерянный, высунулся на балкон.

– Ну и что... что теперь делать будем? – Его голос сорвался и дал «петуха».

Я не отрывал взгляда от детей.

– Лезь к ним на балкон! – бросил я через плечо. – Я старик – могу не потянуть. А ты молодой, сможешь. Передашь их мне...

– Я?!

Я развернулся и увидел, как он посмотрел вниз, на семиэтажную пропасть, и его лицо позеленело. Он отпрянул назад, в комнату, будто чёрт от ладана.

– Я... я не могу... – забормотал он. – Высоты жутко боюсь... У меня голова кружится... Я обязательно упаду! Разобьюсь...

– Да там метр всего! Перелезть – раз плюнуть! – закричал я, теряя последние остатки терпения. Из прикрытой двери на соседский балкон уже повалил густой чёрный дым, и плач детей стал переходить в истошный вопль. – Дети же сгорят! Соберись, тряпка! И лезь!

Но он лишь мотал головой, пятясь назад, в глубь комнаты, и в его глазах читался панический, животный ужас перед высотой. Он был парализован. Никакие уговоры на него уже не действовали.

- Чтоб ты провалился, сука трусливая! – в сердцах выругался я. Придётся лезть самому.

Я подтащил к стене старую ободранную табуретку, что уже давно прописалась на моём балконе. Затем влез на неё и, цепляясь за перила, с неожиданной для себя ловкостью перекинул ногу через бетонный барьер, отделяющий мой балкон от соседского.

Сердце бешено колотилось, выпрыгивая из груди, в висках бухало. Каждый мой дряблый мускул, каждое моё старое больное сухожилие кричало от непривычного напряжения. Я оказался на узком карнизе, спиной к бездне, цепляясь пальцами за шершавую стену.

Семь этажей внизу плыли в глазах. Одно неверное движение – и полечу со свистом вниз, как перезрелый плод. Вот только я не яблоко, а бетонная дорожка у подъезда не накрахмаленный парик Ньютона, хотя закон всемирного тяготения один и тот же. Стоп! Что за дурацкие мысли мне лезут

в голову? Не думать. Действовать! Иначе нам всем триндец!

Семиэтажная пропасть за спиной затягивала, нашептывая мне в ухо: расслабься, старый, и все твои мучения закончатся!

- Врешь, не возьмёшь! – хрипел я, с хрустом старческих суставов вцепившись в шершавый осыпающийся бетон барьера.

Мелкие камешки впивались в ладони, сдирая с них кожу, словно наждаком. Но я удержался, даже тремор в руках – мой постоянный спутник на протяжении вот уже десятилетия, меня оставил. И я медленно, скрипя зубами, ухватился за лишенную стекла раму и перекинул вторую ногу на соседний балкон, только мой стоптанный шлёпанец ухнул вниз с седьмого этажа.

Выругавшись, я неуклюже сполз на пол соседского балкона, и боль, как раскаленная игла, пронзила колени и поясницу, заставив на мгновение потемнеть в глазах. Воздух, едкий от гари, защекотал ноздри и защипал глаза.

Не давая себе опомниться, я схватил в охапку самого мелкого из детишек. Мальчонка, почувствовав чужую хватку, завизжал и забился в новом приступе ужаса. Его маленькое тельце было горячим и влажным, он выгибался дугой, цепляясь ручонками за сестру.

- А ну, цыть! – рявкнул я, прижимая его к себе подрагивающими руками. В два шага я вернулся к пролому в остеклении, где на моем балконе маячила мертвенно-бледная фи-

зиономия «журналиста». — Держи! — прохрипел я, просовывая орущего ребенка в дыру. — Крепко держи, тля!

«Журналист» замотал головой, затем судорожно сглотнул, сделал шаг вперед и, зажмурившись, протянул руки. Я буквально вложил ребенка в его неуверенные, дрожащие ладони. Тот подхватил мальчика и, пятась, оттащил его вглубь балкона. Первый пошёл!

Я обернулся. Маша, вся в слезах, уже подталкивала ко мне сестру. Она, как самая старшая, пыталась казаться стойкой, но ее нижняя губа предательски тряслась, а глаза были огромными от страха. Я подхватил Светку под мышки. Ее тонкие пальцы впились в мою шею.

— Всё, дочка, всё... — хрипло прошептал я, переваливая ее через подоконник.

Я разжал ее пальчики, развернул к разбитому окну и осторожно передал трусоватому помощнику ее следом за братом. «Журналист», окрыленный первым успехом, поймал ее уже чуть увереннее, оттащил в сторону. Оставалась Машка. Она бросилась ко мне, и я в последний раз натужно напряг спину, поднимая и переправляя девчушку на относительно безопасную территорию.

Всё! Я с облегчением выдохнул. Все живы. Все спасены. Я сумел! Я сделал это! Мои легкие горели огнём, сердце кололось где-то в горле, а ноги подкашивались. Я сделал глубокий прерывистый вдох, собираясь с силами для обратного и немислимого пути через этот злосчастный карниз.

И в этот миг Светка, которую «журналист» уже почти загнал в комнату, вырвалась.

– Деда Петя! – в ужасе закричала она. – Персик! Я Персика забыла!

– Какой еще персик? – не понял я.

– Котёнок мой! Он там! В комнате! Он испугался, - размазывая слёзы по мордашке, голосила она, - и спрятался под диваном, а я вытащить не смогла! Спаси его, деда Петя! Ведь он сгорит!

Глава 2

Вот те, дедушка, приказ – надо ехать в Гондурас! Ну и за что мне это наказание? Котёнок... Вроде и мелочь ничем-ная, а всёж-таки тварь живая. Был бы верующим, сказал бы божия, но я убеждённый атеист. Я ведь в своё время столько народу заземлил, мне ли о каком-то котёнке переживать? Помер Максим, да и хрен с ним!

Но, нет – те людишки полная дрянь, за них мне даже переживать не пришлось. А здесь ни в чем неповинная тварь... Жалко, если в муках сгинет...

- Дед, - неожиданно закричал «журналист», - не вздумай! Хрен с ним, с котёнком! Сам сгоришь! Давай, возвращайся назад!

Но я для себя уже всё решил. Выругавшись ещё раз, я резко распахнул балконную дверь, откуда сразу же повалил густой едкий дым. Я рванул с веревки слегка влажное полотенце, висевшее здесь, видимо, после стирки, и прижал к лицу, закрывая влажной тканью нос и рот.

От него пахло стиральным порошком и немного плесенью, и дышать через плотную ткань было тяжело. Глаза тут же заслезились - я почти ничего не видел. В горле запершило, вызывая приступ кашля, который буквально выворачивал легкие наизнанку. Я инстинктивно пригнулся, воздух

под потолком уже был совершенно непригоден для дыхания.

Горячий дым, несмотря на полотенце, обжигал горло, а мои лёгкие будто наполнились жидким свинцом. Голова начала кружиться, зрение затуманилось, и каждая секунда задержки грозила привести к потере сознания. Сердце бешено билось, отдаваясь болезненными ударами в висках.

Пришлось опуститься на четвереньки, а потом и вовсе поползти. У пола, как я и рассчитывал, дым был немного реже, но и здесь он тоже стелился едким одеялом. Пол уже был горячим. Линолеум еще не пузырился, но ладонями я чувствовал нарастающий жар. Где-то рядом трещало, шипело и гудело.

Огонь уже хозяйничал в комнате, пожирая все, до чего мог дотянуться. В голове плавала легкая пьяная муть – первый признак отравления угарным газом. Жар стал невыносимым, дым – густым, как черная плотная вата. Я коротко вдохнул, и этот поток обжег гортань.

Добравшись до дивана, я начал лихорадочно шарить под ним рукой. Наконец, пальцы коснулись маленького мягкого комочка, слабо шевелящегося в попытках выбраться наружу. Это и был тот самый котёнок, которого девочка называла Персиком. Тяжело дыша и ощущая жар пламени на спине, я аккуратно извлек зверька из укрытия. Он не вырвался и не шипел.

Рыжий котенок выглядел вялым и слабым от недостатка кислорода, а его дыхание еле уловимым. Мне показав-

лось, что я успел вовремя, но стопроцентной уверенности не было. Я прижал его к груди и, отталкиваясь одной рукой от раскаленного пола, пополз обратно, к едва заметному в дымном мареве прямоугольнику балконной двери. Каждый вздох был пыткой, каждая секунда – вечностью. Сознание начинало плыть, ноги и руки стали ватными.

Обессиленный, кашляющий, борющийся с тошнотой и головокружением, я наконец выбрался обратно на балкон. Там меня ожидал испуганный взгляд «журналиста», который с молчаливым укором смотрел на происходящее. Свежий воздух, хоть и горький от дыма, ударил в голову, моментально её закружив.

– Держи... – Я поднял руку, протягивая маленькое безвольное, но всё еще трепыхающееся тельце «журналисту». – Живой... вроде...

Тот, бледный как полотно, молча взял котенка и прижал к себе.

- А теперь – валите побыстрее на улицу! – прохрипел я. – Пока при памяти...

- А как же вы?

- Без сопливых гололёд... - выдохнул я. – Сам разберусь... Детей выводите... Живо!

«Журналист» не стал спорить и поспешно удалился внутрь квартиры. Я слышал радостные вопли детей, которые скоро затихли. Похоже, ушли. Я облегченно выдохнул. Дело за малым, перетащить свой зад через эту грёбаную перего-

родку, и дело в шляпе.

Только вот состояние моё оставляло желать лучшего: каждая мышца в теле гудела от перенапряжения, голова раскалывалась, вывернутые наизнанку легкие все еще предательски вздрагивали хриплым лающим кашлем. Сил не осталось совсем, в теле поселилась тупая всепоглощающая усталость.

Матерясь как распоследний сапожник, я с глухим хрустом старческих суставов медленно опустился на корточки и привалился спиной к шершавой бетонной перегородке, отделявшей мой балкон от соседского. Сейчас-сейчас... вот только дух переведу и выберусь из этой задницы. Я и не из таких выбирался в своей жизни...

Дышать было все еще больно. В груди kloкотало, сердце колотилось с чудовищной рваной аритмией, начисто выбиваясь из ровного ритма. Содранные и обожженные ладони ныли тупой нарастающей болью. Я чувствовал, как по спине и груди градом катится холодный пот.

Зрение то плыло, то возвращалось, но перед глазами все равно стояла мутная пелена. Каждый нерв в моём дряхлом теле кричал о полном истощении, о необходимости замереть, не двигаться, просто сидеть и ждать, пока эта хрень меня хоть немного отпустит.

Но передышка была недолгой. Из распахнутой двери в квартиру, которую я не успел закрыть, уже не просто валил дым – из нее начали вырываться языки пламени. Ярко-оранжевые и жадные, они лизнули дверной косяк и потолок бал-

кона, с треском пожирая краску и пластик.

Зловещий гул бушующего пламени неожиданно заглушил все нарастающий пронзительный вой сирен. Пожарная бригада, похоже, была уже на подходе. Но вытащить меня они уже вряд ли успеют. Силы ко мне не вернулись, но отсюда оставался лишь один путь – на свой балкон. И я должен был его преодолеть, чтобы не сгореть заживо.

Собрав волю в кулак, я уперся ладонями в колени и, согнувшись пополам от нового приступа кашля, с нечеловеческим усилием заставил себя подняться. Ноги были ватными и непослушными, тело ломило, но я уже был на ногах. Оставалось последнее – вновь преодолеть семиэтажную пропасть, стоявшую на пути к спасению.

Я свесился через перегородку, чтобы найти упор для ног, и на мгновение замер, глядя вниз. Во двор уже выбежали спасенные дети. Их маленькие фигурки металась около подъезда. Там же суетился и «журналист», все еще прижимая к груди заветный рыжий комочек.

К ним уже присоединилась толпа соседей и случайных прохожих, привлеченных густым дымом, воем сирен и общим переполохом. Они стояли, запрокинув головы, и показывали пальцами прямо на меня. «Журналист», заметив мое движение, закричал, сложив рупором ладони:

- Дед! - В его голосе сквозил уже откровенный ужас. - Не вздумай лезть обратно! Сейчас пожарные тебя снимут!

Ага, как же – из осыпавшегося осколками окна вырвался

такой поток пламени, что моментально припек мне спину. Волосы затрещали от жара, и я понял, если не потороплюсь, одежда на мне натурально начнёт тлеть, а я сам превращусь в жареного поросёнка девяносто трёх лет от роду.

Толпа внизу ахнула, когда я-таки умудрился забросить ногу на поручень своего балкона. Сам не понимаю, как это у меня получилось? Я вообще не осознавал своих действий и откуда берутся силы в этом немощем организме – тело действовало на полном автомате, как будто я вернулся во времена своей молодости.

Проклинаю всё и вся, я рванулся вперед, вновь вцепившись в холодное бетонное ограждение. На мгновение я повис в воздухе, раскорячившись между двумя балконами, словно старый котяра, забравшийся на дерево без сил спуститься обратно.

Одна нога судорожно цеплялась за проржавевший поручень ограждения моего балкона, вторую же я пытался вытащить из пустой рамы соседского. Руки, несмотря на обожженные ладони, впились в перегородку с такой силой, что даже кости хрустели под нагрузкой.

Я висел над семиэтажной пропастью, чувствуя, как дрожат и трещат мои старые мышцы и сухожилия, натянутые до предела, как струны. В горле стоял ком, сердце колотилось где-то в ушах, выскакивая из груди. Казалось, еще секунда – и я сорвусь вниз, так и не вытащив вторую ногу из дыры.

И тут гроыхнуло. Похоже, что на кухне рванул газ. От

мощного удара содрогнулся весь дом. Балконная дверь вылетела на улицу, осыпая окружающее пространство осколками стекла и кусками пластика. На меня хлынула огненная волна, ослепительная и всепоглощающая.

Горячий воздух бухнул в лицо, опалив брови и ресницы, но глаза уцелели. Рама остекления балкона, за которую я цеплялся ногой, от ударной волны покосилась и накренилась, грозя вот-вот вывалиться наружу и утащить меня за собой. Я почувствовал, как мои пальцы теряют хватку...

Внизу раздался оглушительный, единый вопль ужаса. Последнее, что я успел увидеть, прежде чем меня накрыло огненной волной еще одного взрыва, – это запрокинутые лица внизу и то, как «журналист» инстинктивно пригнулся, прижимая к себе спасенного котенка. А потом мир поглотили огонь и тьма.

Сознание возвращалось ко мне медленно, тягуче и неохотно. Первым делом я почувствовал головную боль. Но не ту, привычную, тупую и постоянно ноющую, а острую, сверлящую, будто в виски ввинчивали шуруповёртом раскаленные саморезы. Я застонал и попытался прижать ладони к голове, но руки... С ними что-то было не так.

Я подсознательно ждал, что тело отзовется пронзительной артритной болью в каждом суставе, знакомым хрустом и предательской слабостью. Но ничего этого не было. Лежал я крайне неудобно, на чем-то твердом и угловатом, но кроме чудовищной головной боли и тошноты, никакого другого

дискомфорта не чувствовал. Если не брать в расчёт весьма неудобную позу и поверхность, на которой я лежал.

Куда же подевалась боль от ожогов? Спазмы в растянутых и перенапряженных мышцах? Затруднённое дыхание и кашель – дыма я тоже наглотался будь здоров? Неужели шок? Или я уже откинулся? По всем здравым размышлениям выжить в той ситуации у меня не было ни единого шанса.

Если не сгорел, то должен был точно разбиться, расплескав мозги на бетонных дорожках. Так-то седьмой этаж, это вам не хухры-мухры.

Я медленно, опасаясь худшего, открыл глаза. Мир плыл и колебался, но постепенно зрение начало фокусироваться. С горем пополам я пошевелился на неудобном «ложе», ожидая, что вот сейчас во всем теле заноеет, застрекочет, заскрипит. Но нет. Движение далось на удивление легко. Слишком легко. Только голову вновь прострелило острой болью.

Я поднял перед собой руки, ожидая увидеть обожженную, покрытую волдырями и ссадинами, но привычную мне морщинистую кожу старческого тела. Но руки были... другими. Невзирая на то, что руки были грязными, а ладони измазаны кровью – голова, похоже, у меня была реально разбита, кожа была упругой и гладкой.

Не было ни старческой пигментации, ни выступающих узлами синих вен, ни треморного дрожания пальцев. Я сжал кулак, мышцы послушно напряглись, сухожилия четко проступили под кожей. И всё это совершенно безболезненно! Но

это был не мой кулак.

Не кулак дряхлого старика, а, скорее, какого-то сопливого пацана, лет пятнадцати-семнадцати. Да еще и худющего, словно шкилет – каждую косточку в тощих кистях можно не напрягаясь разглядеть.

Неужели это галлюцинация, да еще такая реальная? Наверняка. Наглотался угарного газа, или черепно-мозговая... Вот и лежу сейчас где-нибудь в реанимации, а мой поврежденный мозг рисует такие красочные картинки, – попытался я себя убедить, но внутри уже начало подниматься странное, тревожное волнение – уж слишком всё реально для глюка.

Я провел пальцами по лицу. Кожа была гладкой, без морщин. На щеках и подбородке никакого намека на мою жесткую кабанью щетину. Разве что мягкий пушок... Густые брови, которые, казалось, должны были сгореть вместе с ресницами, тоже оказались на месте.

Я еще раз потрогал голову – вместо редких седых волос на висках и большой проплешины мои пальцы ощутили густые и жесткие волосы, слипшиеся коркой от подсыхающей крови. Голова у меня оказалась основательно пробита. С трудом приподнявшись, я ошупал себя.

Ни переломов. Ни ожогов. Только дикая, пульсирующая боль в голове, от которой темнело в глазах. Но при этом... тело было незнакомым. Легким. Даже слишком лёгким. Послушным. Но точно не моим. Я так до сих пор не мог понять,

как вообще такое могло произойти.

И одет я был как-то странно – в основательно потасканную холщовую рубаху без воротника – «голошейка», как называли подобную одежду в моём детстве, и дырявые, все в латках, посконные[1] порты, каких я не встречал лет этак семьдесят. Ноги, торчащие из портков – грязные, босые.

Я судорожно огляделся по сторонам. И тут мои сомнения в реальности происходящего рухнули, сменившись полнейшей, оглушающей растерянностью. Никаких высоких многоквартирных домов в округе не было. Вообще. Ничего даже похожего на привычный городской пейзаж. Пожара, дыма, воя сирен, собравшейся толпы – тоже.

Надо мной простиралось черное бархатное небо, усыпанное миллиардами звезд. Такое ясное и близкое, каким оно не бывает в городе с его уличными фонарями, яркой рекламой и светом домашних окон. Воздух был прохладным, чистым и пах не гарью и бензином, а сырой землей, прелыми листьями и сладким березовым дымком из печной трубы.

Прямо передо мной высился рубленый, большой и добротный деревенский дом из темного бревна, с резными наличниками на окнах. Окна были темны, лишь в одном окне тускло светился ночник. Двор был огорожен высоким крепким дощатым забором, а я, судя по всему, очнулся на огромной наколотой груде свежих дров, которые своими острыми углами впивались мне в рёбра.

Где я? Откуда взялись эти дрова? И этот дом? Почему я

нахожусь в какой-то грёбаной деревне? Я последние тридцать лет жил в бетонной городской коробке на седьмом этаже. И что, черт возьми, со мной произошло? Я снова посмотрел на свои руки – молодые, худые, чумазные. Потрогал лицо – гладкая кожа и густые волосы тоже никуда не исчезли. Это было не просто странно. Это было невозможно.

Сердце заколотилось уже не от страха, а от нарастающей, безумной догадки, от которой перехватывало дух. Похоже, что я всё-таки помер в том взрыве... Тогда что же меня окружает? Почему я до сих пор мыслю, двигаюсь, чувствую? В мою материалистическую теорию мира эти факты никак не хотели укладываться.

Да и на загробный мир, если бы он существовал, это тоже было не очень-то похоже. Рай мне не светил по определению – слишком уж часто я действовал без оглядки на смертные грехи. А для ада здесь было слишком пасторально – где черти с большой сковородой или бочкой кипящей смолы?

Наконец, когда мои глаза привыкли к темноте, я заметил, что во дворе есть кто-то еще, кроме меня. А именно двое крепких бородатых мужиков. Сначала я принял их за тени, но, когда один из них пошевелился, я замер на всякий случай, вжавшись в колотые поленья.

Они закурили, и поднявшийся легкий ветерок донёс до меня запах махорки и лошадиного пота. Их фигуры, плотные и уверенные, резко контрастировали с моим тощим, почти мальчишеским телом. На них была добротная, хоть и про-

стая одежда: сапоги, подпоясанные рубахи, жилетки. На головах – картузы. Они выглядели как деревенские мужики из моего далёкого детства.

Незнакомцы стояли ко мне спиной, их внимание было приковано к единственному освещенному окну в избе. Я заметил, что они не просто курили – они внимательно, с напряженным, можно сказать даже хищным любопытством следили за тем, что происходило внутри.

Их позы выражали привычное ожидание, словно они караулили добычу или ждали какого-то сигнала. От их молчаливых и сосредоточенных фигур веяло угрозой (что-что, а это я вычислял на раз), что я инстинктивно задержал дыхание, пытаясь стать еще незаметнее, распластавшись на дровах.

Тишину ночи, нарушаемую лишь треском цикад, внезапно пререзал пронзительный, полный абсолютного ужаса женский крик. Он был глухим и едва слышным - его поглощали толстые бревенчатые стены, но смысл от этого не изменился - это был крик отчаяния, мольба о пощаде.

- Оставьте, Фрол Кузьмич! Родненький, пожалуйста! Не надо! - Донеслось из избы, а затем крик оборвался, подавленный чьим-то грубым рыком.

- Заткнись, дура! Пришибу! А ты не дёргайся, лядь малолетняя! Лежи смирно, только знай, что ноги раздвигай! И радуйся, тля, что первой под меня попала, а не под какого-нибудь голодранца из нижней слободы! Потерпишь чуток, зато

потом всю зиму голодать не будете!

Мужики у окна встрепенулись, переглянулись. Один из них, потушив о каблук окурок, хрипло прошептал:

- Ну, кажись, оприходуется сейчас хозяин эту молодую кобылку. А там, глядишь, и нам свеженького перепадёт...

- Да я бы и с мамашей её не прочь поразвлечься, - хохотнул второй, глубоко затянувшись, и разгоревшийся уголек на мгновение озарил его мерзкую харю, обезображенную похотью. — Ведь Авдотья первой красавицей когда-то на деревне была, рожу от меня воротила, курва! Да она и сейчас еще вполне, чтобы отодрать как следует, со всем придежанием...

- Не трогай дочку, кровопивец! — резанул по ушам женский крик, а затем в избе что-то грузно упало.

[1] Посконные порты (или посконные портки) — это старинные мужские крестьянские штаны, изготовленные из поскони (грубого волокна, получаемого из конопли). Это прочная, но жесткая домотканая одежда, распространенная в традиционном русском костюме, часто использовавшаяся как нижнее белье или рабочая одежда.

Глава 3

И после этого истошного крика в моей (или его?) голове как будто бомба разорвалась. Чужое сознание, память, боль, все перипетии короткой жизни этого несчастного паренька – все это обрушилось на меня настоящей горной лавиной. Я словно на скоростной перемотке кино посмотрел, а точнее – прочувствовал всеми фибрами своей души тяжелую чужую судьбу.

Его звали Мишка. Мишка Савельев. И шёл ему пятнадцатый год от роду. Рос пацан без отца, погибшего на Первой мировой, еще в четырнадцатом. Сейчас же на дворе стояло лето 1916-го. Последнее лето старого, незнакомого мне мира Российской Империи – я родился уже в СССР в 1933-ем году. До будущей революции оставались считанные месяцы.

Жил Мишка с матерью, Авдотьей, и старшей сестрой-погодкой - Катькой, тут, в селе Никольское, что где-то в паре сотен верст от Питера, ныне Петрограда.

Я видел его жизнь, словно проживая её в ускоренном темпе. Бедную и голодную, без прикрас, но и не лишенную простых радостей. Ловля рыбы в речке, сенокос, первая драка с деревенскими пацанами, тайком выкуренная цыгарка. И постоянная, гложащая забота о завтрашнем дне. О том, как прокормиться. Как пережить зиму.

Пока отца не забрали в солдаты, жизнь шла еще шатко-валко, выживали как-то, распахивая скудную землю, держа старую лошадь и тощую, вечно голодную коровенку. Но с его уходом, а потом и похоронкой, и вовсе наступила крайняя нужда.

Все тяготы легли на хрупкие плечи матери, да и на Мишкины тоже, как единственного мужика в семье. Старого, слепого и немощного деда – отца матери, никто в расчет не брал. Пацану рано пришлось почувствовать себя мужчиной, кормильцем, и эта непосильная ноша постоянно травила его душу. Ведь полноценно заменить отца у него не хватало сил.

Всё это я чувствовал так остро, будто это были мои собственные воспоминания. Я ощущал горечь голодного подвоя, жгучую обиду на судьбу и тупую, животную усталость, которая накатывала на паренька каждый вечер, когда он без сил падал на жесткую лавку, пытаясь забыться.

Но даже сквозь всю эту черноту пробивались и светлые полосы: безудержный восторг, когда удавалось наловить полное ведро плотвы; гордость за первую самостоятельно заработанную медную монетку; тепло от доверчивого касания деревенской девчонки Дашки, которую он тайком провожал до околицы.

Первую зиму без отца они, пусть и с трудом, но сумели выжить каким-то чудом. А вот следующая, минувшая зима выкосила голодом и сыпняком[1] и деда старика, и младших Мишкиных братьев и сестер, оставив живыми в семье Саве-

льевых безутешную мать, самого Мишку и его старшую сестру.

Но, как бы там ни было, а жизнь продолжалась, и они смогли выжить благодаря той самой корове, пусть худой и вечно голодной, но продолжающей справно снабжать семью молоком. Лошадь же они тоже сохранить не смогли – заболевшую какой-то хворью, её пришлось забить, пока она сама не сдохла. И мясо этой бедной скотины тоже помогло им выжить этой суровой зимой.

К весне они съели запасы зерна, отложенные на посев. Отчаяние заставило Авдотью идти на поклон к местному мироеду-кулаку - Фролу Кузьмичу. Тот, раздувшись от важности, выслушал её униженную просьбу, покряхтел, сделал вид, что «вошёл в положение», и ссудил мешок подгнившей ржаной муки да немного картошки.

Пообещал так же снабдить их в посевную зерном. Взамен же взял с них кабальную расписку, и с этого дня для Мишки началась новая жизнь - жизнь батрака. Фрол Кузьмич, «войдя в положение», теперь драл с семьи Савельевых три шкуры. Мишку заставляя работать на себя с утра до ночи, нагружая самой тяжелой и черной работой.

Когда же пришла пора пахать свою убогую полосу земли, оказалось, что пахать-то и нечем. Лошади-то у них теперь не было. А в долг никто не дал, даже Фрол Кузьмич – у того и без них работы хватало на собственных пашнях. А дела у односельчан тоже шли паршиво.

Пришлось впрягать в старую разбитую соху ту самую коровенку, их последнюю кормилицу, да и самим впрягаться рядом. И без того хилая, вечно голодная животина, не приспособленная к такой каторжной работе, быстро надорвалась. Однажды, едва доволочив соху до конца поля, она рухнула и к утру издохла.

Эта смерть стала для семьи настоящей катастрофой. Ведь впереди маячила новая зима, еще более беспросветная и голодная, чем предыдущая. И не было уже сил, не было надежды. Была лишь свинцовая, всепоглощающая тяжесть отчаяния, которую я, сглатывая вставший в горле ком, чувствовал словно свою собственную.

Драма семьи Савельевых достигла своего апогея именно сегодняшним вечером, когда они всем составом заявили на подворье Фрола Кузьмича с очередной нижайшей просьбой – дать женской части семьи, хоть какую-то работу, пусть даже и самую чёрную, за еду. До нового урожая жрать Мишкиной семье было совершенно нечего.

Но им банально не повезло – деревенский мироед отправил всю свою семейку на длительный срок куда-то в город, поэтому, когда к нему пришли Мишкины женщины, он ни много ни мало, предложил его сестре стать своей наложницей. Другие, может, и согласились бы, но не Савельевы, воспитанные в строгости и вере.

Но этому ублюдку - Фролу Кузьмичу, уже вожжа под хвост попала. Плевать ему было и на веру, и на строгое воспитание

— он на деревне царь и бог, и уже не раз, и не два пользовался беззащитностью местных крестьян, забитых и зашуганных им же, и его «псами».

Мишка попытался встать на защиту сестры и матери, и его убили. Не специально, нет — просто походя, эти твари с человеческим лицом, похоже, даже не заметили, что сотворили. Один из этих бородатых утырков, ожидавших у окна, отмахнулся от пацана черенком лопаты, когда Мишка попытался вцепиться в него с проклятьями, защищая свой семью.

Сильный удар пришелся точно в висок. Мальчик рухнул на груды дров, которую он сам же и колол весь день, и больше не шевельнулся. Всё это промелькнуло в моем сознании за долю секунды, оставив после себя ледяное, кристально ясное понимание происходящего.

Я не просто очнулся в чужом теле. Я занял место того, кто только что был убит. Какая-то неведомая сила соединила нас, разорвала ткань времени и пространства. Сделав его конец моим началом. С какой целью? Мне это было неизвестно.

Свинтить отсюда, как из этого тела, так и из этого времени, было решительно невозможно. По крайней мере, я не знал — как? Да и нужно ли? Ведь я опять молод и здоров... Относительно здоров, но над этим можно работать... А впереди меня ждет такое легендарное время, что и подумать страшно.

Только вот с окружающей меня ситуацией нужно было

срочно что-то решать. Таких ублюдков, подобных Фролу Кузьмичу, я за свою жизнь тоже насмотрелся. Таких уговаривать и просить не имеет смысла, они понимают только один язык — язык силы.

Но что может противопоставить трём крепким мужикам пятнадцатилетний пацан, которого от голода шатает, и силы в худых ручонках нет совершенно. Да, у меня есть знания и опыт, только Мишкино тело совершенно для такого не подготовлено. Я пошарил взглядом по сторонам и увидел большую колоду с воткнутым в нее небольшим колуном.

Именно этим инструментом Мишка и колол дрова. Рядом, прислоненный к колоде, стоял еще один топор. Куда больше колуна, с длинной рукояткой. Именно такими валят лес лесорубы. Что ж, используй то, что под рукою, и не ищи себе другое. Вот девиз настоящего бойца-разведчика.

Так что еще поглядим, кто из нас выйдет победителем... Щадить этих нелюдей, измывающихся над слабыми и сирыми, я не собирался. А насильникам и вовсе одна дорога — на тот свет. По опыту знаю, что горбатого лишь могила исправит. Что будет дальше, меня особо не пугало — скоро в стране начнётся такая заваруха, что никто обо мне и не вспомнит.

А мать с сестрой (да, я принял для себя такое решение, считать их моей семьёй, и чувства Мишки я сейчас воспринимал не иначе, как своими) я как-нибудь пристрою и прокормлю. Только из Никольска нам придётся спешно убраться. Куда? Да черт его знает?

Однако, судя по той информации, доставшейся от моего предшественника, хуже им, чем здесь и сейчас, уже все равно не будет. Да и не оставит моих девок местный упырь в покое ни при каких обстоятельствах. Даже если я их сейчас отобью, а эти питекантропы каким-то чудом не сыграют в ящик, житья нам всё равно в Никольском не будет.

Так что, товарищ полковник, отставить сомнения! Уродов надо заземлить – и ходу!

- Не распускай руки, сучка! – Донёсся до меня злобный рёв хозяина усадьбы, а затем звук хлесткого удара. В доме что-то опять рухнуло.

Внезапный и пронзительный крик сестры, заглушивший сдавленный всхлип матери, ударил по моим мозгам раскаленным железом. Чужая ярость, чистая и безудержная, затопила сознание, требуя немедленной, слепой мести.

- Не рыпайся, тля! Ноги раздвинь, а то хуже будет!

- Не надо, дядя Фрол! – заголосила сестренка. - Не надо! Как я после этого жить буду?!

- Другие живут, и ты будешь! Ишь, принцесса нашлась - не убудет от тебя!

Тело напряглось, как пружина, пальцы сами сжались в кулаки, и дикий, звериный вопль уже рвался из горла. Чувства Мишки, доставшееся мне в наследство вместе с телом, рвались наружу, чтобы броситься с голыми руками на этих тварей и рвать их зубами, как и подобает защитнику. Инстинкт требовал крови, немедленно и любой ценой.

Но я-то – старый и опытный крокодил с толстой бронированной шкурой. Где-то в глубине, под этой кипящей лавой чужого гнева, холодной глыбой лежал опыт взрослого мужчины, прошедшего ад не одной войны. Сознание, отточенное годами выживания в безнадежных ситуациях, сработало на опережение. Глубокий, почти беззвучный вдох. Резкий выдох. Мгновенная мысленная команда: «Стоп. Контроль».

Я заставил себя расслабить челюсти, разжать кулаки. Адреналин, уже начавший жечь жилы, был грубо взят в ежовые рукавицы и перенаправлен — не в бессмысленную ярость, а в холодную, расчетливую концентрацию. Это была не первая моя пограничная ситуация, когда одно неверное движение, один вырвавшийся звук означали бы смерть.

Опытный разведчик знает: прежде чем наносить удар, нужно стать тенью, тишиной, абсолютным нулем. Иначе - ошибка. А ошибка в моём случае была непозволительной роскошью. Сердце, бешено колотившееся секунду назад, замедлило свой бег. Зрение стало острее, мир вокруг обрел кристальную четкость. Сознание очистилось. Я должен был стать смертельным оружием. А оружию должно быть хладнокровным.

Шум из избы нарастал, перемежаясь приглушенной руганью, всхлипами и криками ужаса. Как бы мне не тяжело было это слышать, особенно с чувствами Мишки, эти звуки были моим прикрытием. Пока утырки была поглощены своим мерзким делом, я бесшумно сполз с груды дров. Затем ныр-

нул в тень, укрытый неровной «вершиной» поленницы, откуда открывался идеальный вид на крыльцо и дверь.

Попытка встать на ноги обернулась жестоким напоминанием о реальном положении дел. Мишкино тело отозвалось пронзительной волной слабости. В висках застучало, в глазах поплыли темные пятна, а земля ненадолго уплыла из-под ног. Я схватился за поленья, чтобы не рухнуть.

Похоже, что у пацана не просто худоба, а глобальное истощение. Его убогие мускулы, хоть сухие и жилистые, были измотаны до предела. Каждое движение давалось с усилием, как будто я находился в вязком киселе. Голодная тошнота раза за разом подкатывала к горлу, сводя мышцы живота болезненным спазмом. Головокружение от голода и пробитой головы напоминало о себе то жаром, то холодным потом на спине.

С очередным глубоким, но беззвучным вдохом я мысленно отсек все лишнее: и слабость, и тошноту, и дрожь в коленях. Сосредоточился на том, что есть. Есть ноги, чтобы стоять. Есть руки, чтобы держать. Есть ярость, которую можно сдержать и выпустить точно в цель в нужный момент.

Глаза снова нашли колоду для рубки дров. Колун всё еще торчал в ней. Мой взгляд упал на его старшего брата – тот самый огромный топор лесоруба. Я двинулся к нему, пригнувшись, сливаясь с тенью от поленницы. Каждый шаг был точен и выверен, чтобы не хрустнула никакая дрянь под ногами.

Моя худосочная рука обхватила длинную отполированную до блеска рукоять. Я испытал его баланс едва заметным движением кисти. Да, великоват он для подростка. Ловко мне с ним не управиться, как в моём прошлом теле. Оставим его на потом — сейчас мне нужен был хотя бы один точный и сокрушительный удар, пока эти твари уверены в своей безнаказанности и не ждут атаки.

Решив воспользоваться колуном, я осторожно выдернул его из колоды. Сталь с глухим шепотом вышла из объятий древесины. Колун тоже оказался весьма увесистым для Мишкиной слабой руки. Я оценил его вес коротким взвешивающим движением. Рубить его тупым лезвием бессмысленная затея, зато с небольшого расстояния его можно было метнуть в затылок одного из мужиков.

Конечно, для Мишкиной кондиции и этот финт может оказаться неподъемным, но я постараюсь. Вот только что делать со вторым уродом? Голые руки против его здоровенной туши — верная смерть. Решение пришло неожиданно — мой взгляд упал на длинную и острую щепку, отколотую от полена.

Она была размером с хороший кинжал, а ее конец был заострен до почти игольчатой остроты. Примитивное, но эффективное оружие ближнего боя. Не идеально, но всё же лучше, чем голые руки. Да и опыт у меня какой-никакой имеется.

Зажав в левой руке щепку, острый край которой тут же

впился в ладонь, и подхватив колун правой, я скользящим шагом, почти не отрывая стоп от земли, начал тихо приближаться к мужикам. Каждый шаг давался с трудом: мышцы подрагивали, сердце тяжело билось о ребра, словно пытаюсь вырваться из груди и выдать меня с головой.

Это явно были не мои реакции, а доставшиеся мне в наследство от пацана. Я как мог, старался их погасить, но они время от времени прорывались. Однако, ублюдки были слишком увлечены, чтобы обращать на что-то внимание. Звук их грубых голосов, их тупое лошадиное ржание, заглушало все в округе. Да и не ожидали они нападения.

Дистанция сократилась до критической. Правая рука сама собой занесла колун за голову, мышцы плеча и спины, вопреки разлитой по телу слабости, сжались в тугий жгут. Резкий, взрывной выброс силы. Колун, перевернувшись в воздухе тяжелым стальным лезвием, описал короткую молниеносную дугу.

Удар тупого лезвия пришелся точно в затылочную кость, раздробив её с глухим влажным хрустом. Мужик даже не вскрикнул, а лишь хрипло выдохнул. После чего он грузно, как мешок с дерьмом, чем он на самом деле и являлся, повалился вперед, на колени, а затем воткнулся лицом в утоптанную землю. Первый готов!

Второй, ошалело оторвавшись от своего увлекательного занятия, на долю секунды застыл, уставившись на упавшего подельника. Его мозг, одурманенный сивухой, запах которой

я почувствовал еще на подходе, не успел обработать происходящее. Этой задержки мне хватило с лихвой.

Оттолкнувшись от земли, я рванул вперед, преодолевая слабость в мышцах одним взрывным движением. Пока второй урод, широко раскрыв рот, начал поворачиваться ко мне, я был уже у него за спиной. Моя левая рука, с зажатой в ней щепкой-кинжалом, молнией взметнулась снизу-вверх. Я даже не целился, действуя на рефлексах и вкладывая в удар всю мощь своего хилого тела.

«Лезвие» щепки легко пробило мягкие ткани, пронзило гортань и уперлось во что-то твердое — возможно, в основание черепа. Раздался булькающий, захлебывающийся звук. Из широко распахнутого рта мужика вырвалось клокотание и хлынула чёрная кровь.

Его глаза, еще секунду назад пьяные от сивухи и вседозволенности, стекленели, наполняясь предсмертным ужасом. Я выдернул щепку и отскочил. Он рухнул на бок, забившись в судорогах, а из раны под подбородком хлынула темная, густая кровь, заливая ему бороду и грудь. Второй тоже готов!

Я стоял над двумя утырками и прерывистое дыхание вырывалось из моей груди со свистом. В ушах стоял звон, нарушаемая лишь предсмертным хрипом второго ублюдка. Но это был еще не конец, а небольшая передышка. Предстояло еще разобраться с главным упырем-кровопийцей. А из дома, отчего-то, не доносилось больше никаких криков, и это меня весьма беспокоило. Стоило поторопиться, а то как бы не

случилось чего непоправимого...

[1] Сыпняк (сыпной тиф) — это острое инфекционное заболевание, вызываемое риккетсиями Провачека, передающееся через укусы платяных вшей. Проявляется сильной интоксикацией, высокой температурой, специфической сыпью (обычно на 4-6 день), поражением сосудов и нервной системы.

Глава 4

Некоторое время я стоял, прислушиваясь к тишине за стенами избы – но все было тихо. Слишком тихо. Ни крика, ни ругани, ни даже ударов. Гребаный упырь в избе не услышал, как я убирал его псов. Но эта тишина была хуже любого грохота. Она леденила душу.

Кровь на щепке была теплой и липкой, она медленно стекала по пальцам, смешиваясь с потом и грязью. Я сжал окровавленное дерево так, что суставы побелели, чувствуя, как занозы впиваются в мою ладонь. Вернулся к колоде, засунул щепку за пояс – на всякий «пожарный». Она влажно прилипла к мокрой от пота рубахе.

Пальцы обхватили рукоять топора – тяжелого, массивного, с широким лезвием, тускло поблескивающим в лунном свете. С ним я вернулся к избе и, затаив дыхание, заглянул в освещенное окошко. Картина, которую удалось увидеть, меня не обрадовала, а вогнала в сердце еще одну ледяную иглу.

В углу комнаты, на голых, выскобленных добела досках пола, неподвижно, словно сломанная кукла, лежала женщина. Мать Мишки. Еще не старая и, должно быть, прежде весьма симпатичная, если бы не чрезмерная худоба и синяки под глазами. Она не двигалась, её глаза были закрыты, и я не мог понять, дышит она или нет.

А на кровати... Сука! На кровати, лежа со спущенными штанами на извивающейся девчужке в разорванном платье и держа ее за горло мохнатой лапой, елозил здоровенный мерзкий мужик в атласной красной рубахе. Его пропотевшая спина вздымалась и опускалась в мерзком, животном ритме.

Молодая девушка, еще совсем девчонка, билась под ним беззвучно, хватая воздух открытым ртом. Ее глаза, залитые слезами, были неестественно широко раскрыты, полные такого немого ужаса и боли, что в мою собственную кровь будто плеснули раскаленного металла.

Ее губы были разбиты, скулы в кровоподтеках, а тонкие пальцы с обломанными ногтями из последних сил царапали атласную рубаху насильника, не в силах скинуть с себя эту тушу. Из горла девчужки вырывался лишь тихий сип – толстый упырь все сильнее и сильнее сжимал ее шею.

Её движения становились медленнее и слабее. Еще пара секунд – она перестала сопротивляться и обмякла. Ее руки безжизненно упали на перину, а полный ужаса взгляд уставился в потолок, медленно стекленея.

Сердце у меня в груди оборвалось, замерло и провалилось куда-то глубоко. Затем выскочило обратно, застучав, как бешеный паровой молот. Я понял, если не потороплюсь, эта тварь ее просто прикончит - задавит, как таракана, и даже не заметит.

Рукоять топора скрипнула в моих судорожно сжатых ладонях, когда я опрометью ринулся к двери, которая, к моему

облегчению оказалась не заперта. В темных сенях я чуть не навернулся о какую-то хрень, попавшую мне под ноги. Но я как-то устоял на ногах, умудрившись ничем не загромоздить и, не теряя ни секунды, ворвался в горницу.

Половицы под ногами скрипнули, да и я хрипло дышал, как загнанная лошадь. Но насильник не обратил на это внимания, полностью поглощенный своим мерзким делом. Его туша всё еще раскачивалась в мерзком ритме, тряся жиром. Он что-то хрипел, роняя слюни на потную рубаху, плотно натянутую на жирной спине.

Я не видел ничего, кроме этой спины. Не слышал ничего, кроме собственного пульса в висках и его хриплого сопения. Кровавая пелена застлала глаза, даже никаких мыслей у меня в голове не было. Была лишь ясная и холодная решимость.

Я взмахнул топором, рукоять которого лежала в моих ладонях как влитая и вонзил его в потную спину гребаного бора. Лезвие вошло глубоко, с хрустом перерубленных рёбер. Я даже испугался: не задел ли случайно сестрёнку?

Но, нет – урод был слишком грузным и толстым, чтобы я с одного удара сумел пробить его насквозь. Толстяк задрожал, его атласная рубаха мгновенно пропиталась темной, почти черной кровью. Я дернул топор, но выдернуть его не смог – слишком глубоко он засел.

Используя длинную рукоять вместо рычага, я повалил насильника набок, стаскивая его мерзко подрагивающую тушу с девчонки. А затем ногой кое-как столкнул его с кро-

вати. Деревянная рукоять громко стукнула о половицы. Но моё всё внимание было приковано к хрупкой неподвижной фигурке на смятой постели.

Я рухнул на колени у кровати, руки мои тряслись.

- Сестрёнка! Господи, сестрёнка, держись! – хрипло бормотал я, сам не понимая, откуда брались эти слова.

Я наклонился к её лицу, пытаюсь уловить хоть какое-то движение воздуха. Ничего. Затем мои пальцы коснулись её шеи, скользнули по влажной горячей коже, ища сонную артерию. Но под подушечками пальцев не было никакой пульсации, лишь тепло уходящей жизни и страшная, податливая хрупкость трахеи. Её глаза, все еще широко открытые, смотрели сквозь меня, в никуда.

Автоматизм, выработанный годами, включился мгновенно. Чему-чему, а реанимационным мероприятиям в своё время меня учили крепко. Я осторожно, но твердо запрокинул её голову, открывая дыхательные пути. Большим пальцем раздвинул её распухшие губы, проверяя, нет ли во рту препятствий. Чисто.

Глубокий вдох. Я зажал ей нос, своим ртом обхватил её губы и резко, с силой, вдохнул в нее воздух. Её грудная клетка, такая худая, что проступали ребра, поднялась. Я отстранился, давая сделать пассивный выдох. Он вышел со слабым пугающим сипением. Второй вдох. Грудь снова вздулась.

Затем мои руки нашли нужную точку – нижнюю треть грудины. Ладони, одна на другой, с переплетенными пальцами.

Начал непрямой массаж сердца. Глубоко и ритмично, с четким интервалом, как вдавливали до тошноты: тридцать надавливаний.

Ребра под ладонями хрустнули с противным звуком. Я почувствовал, как ломаю хрупкие кости ее истощенного тела, и внутренне содрогнулся, но не остановился. Так надо. Это цена. Если еще возможно её вытащить с того света... Воздух. Еще два вдоха. Снова тридцать надавливаний.

Кожа на ее шее и груди стала проступать синими, причудливыми разводами – посмертная синюшность, гипостазы. Кровь, перестав качаться сердцем, под действием тяжести стекала вниз. Я видел это, понимал, что это конец, но руки продолжали работать. Тридцать надавливаний. Два вдоха. Тело под моими ладонями было еще теплым, но это было тепло угасания, в котором уже нет огня жизни.

Я делал это снова и снова. Цикл за циклом. Пот заливал глаза, с губ стекала соленая смесь моей слюны и ее крови. В ушах стоял оглушительный гул, сквозь который пробивался лишь этот жуткий хруст под моими ладонями. Я не знаю, сколько прошло времени. Минута? Пять? Десять? Полчаса?

Наконец я остановился, обессиленно опустив дрожащие руки. Мои легкие горели, спину свело судорогой. Я снова приложил пальцы к ее шее, прищурился, вглядываясь в зрачки. Ничего. Абсолютная тишина. Ни единого признака жизни. Только неподвижность и нарастающая одутловатость на лице.

Она была мертва. Я опоздал. Все мои действия, весь этот ураган ярости и попыток её спасти – всё было напрасно. И тогда на меня обрушилось это. Волна такого всепоглощающего, физически осязаемого горя, что я чуть не рухнул на пол. словно невидимый громадный кулак ударил меня под дых.

В горле встал плотный ком, сдавивший дыхание. Глаза застили слезы – не мои, чужие – Мишкины. На меня навалилось чувство полного, тотального крушения мира. Чувство вины, острое, как лезвие опасной бритвы. Я должен был прибежать раньше! Должен был защитить! Я – единственный, кто мог... Но не смог...

Это знание жгло изнутри, это отчаяние выворачивало душу наизнанку. Но сквозь этот шквал боли часть моего сознания, та, что была мной, холодно и отстраненно наблюдала. Я понимал: эти чувства, эта лава боли и вины – «фантомная» память реципиента, бывшего хозяина этого тела.

Это реакция Мишки, его «сознания» или «подсознания», все еще живущего в этих нервных окончаниях, в этом сжатом до боли сердце. Это его сестра. Его родная кровь. Его провал. Да и мой провал тоже.

Я закрыл ее глаза ладонью, заставив веки сомкнуться. Мои пальцы дрожали. А потом поднял голову и посмотрел на лежащую в углу Мишкину мать. И понял, что она тоже мертва. Я понял это по той неестественной, кукольной ослабленности её конечностей и по синеве, уже густо легшей

на щеке, прижатой к полу.

Тишина в избе стала густой и окончательной, нарушаемая лишь моим тяжелым дыханием и тихим предсмертным хрипом, всё ещё исходящим от недобитка на полу. Здоровый, гад - этот урод всё ещё дышал. Но, ему совсем недолго осталось – с такой раной в начале двадцатого века выжить нереально. Да и не оставляю я ему никакого, даже самого малого шанса. Такие нелюди вообще не должны жить и плодиться!

Волна чужого, всесокрушающего горя все еще билась во мне, пытаясь подточить мой дух и погрузить в депрессию. Но безуспешно. И пусть искренние Мишкины слезы текли по моим щекам, но сквозь эту пелену горя пробивался мой холодный и непоколебимый рассудок битого-перебитого жизнью старого ГРУшника.

Интересно, как непредсказуемо действует судьба – в своем родном мире я сумел спасти троих из пожара, а здесь уже у троих пришлось отнять их никчемные жизни. Ведь эти уроды без моего вмешательства так и продолжали бы творить беззаконие. Зато теперь горя в мире станет хоть на капельку, но меньше.

Что это, действие неизвестных мне законов мироздания? Три «плюс» на три «минус». Общий «баланс жизней» не нарушен, если не брать в расчет более сотни лет, разделяющих эти жизни... Да, я забыл еще три смерти: Мишки, его матери и сестры.

Но они, похоже, должны были умереть и так, и этак, с мо-

им вмешательством или без. В этом случае ничего не изменилось.! Я мотнул головой, отгоняя кошунственные мысли. Нет! Этак я и в Господа Бога поверю. А в нашем насквозь вещественном мире действуют только физические законы. А как же тогда я сюда попал? Все просто – некоторые из законов нам просто еще не известны. Вот так, и никак иначе!

Теперь нужно было срочно обдумать мои дальнейшие действия. Раз Мишкины мать и сестра были мертвы, это развязывало мне руки и давало большую свободу действий. Честно признаться, они стали бы для меня тяжким грузом, ведь я бы их не бросил, поскольку чувствовал за них ответственность.

Теперь этой ответственности не было. Я был абсолютно свободен в своих поступках. А ты, Мишка, извини, что я не сумел... Но я старался изо всех сил! С осознанием этого факта Мишкино отчаяние стало понемногу отступать. И я, наконец-то, почувствовал себя – собой. Кстати с такой реакцией нужно будет научиться справляться получше – иначе можно обделаться в самый ответственный момент.

Итак, перво-наперво – нужно убираться подальше от Никольского. Думаю, в Питер. Но просто так уйти тоже нельзя – приедет полиция... Урядник или становой[1] – услужливо подсказала мне Мишкина память. Я оценил насколько это удобно, ведь вжиться в окружающее меня время будет намного легче.

Гибель сразу шести человек скорее всего на тормозах не

спустят. Расследование точно будет. Значит, мне надо постараться сделать всё так, чтобы это выглядело как несчастный случай.

Я медленно поднялся на ноги, окидывая избу оценивающим взглядом. Трое подвыпивших скотов притащили беззащитных женщин. Что в этом удивительного? Да ничего. Обычное дело, подсказала мне память Мишки. Этот гребаный кровопивец – Фрол Кузьмич, постоянно такую дичь творил. Только до поры обходилось без трупов.

И никто ему против ничего не мог сказать – ведь благодетель же! От голодной смерти каждый божий год сельский гнилой народишко спасает. На него ж молиться надо! А бабы чё? Ну, утрётся одна-другая-третья, поплачет в подушку – так от них же не убыло ничё.

В общем, собрались упыри, попили, погудели, учинили бля... бесчинство. Так, наверное, будет рассуждать местный следак... э-э-э... полицейский пристав, которого пришлют. А что потом? Потом они могли и поссориться. Или просто, в пьяном угаре, устроить пожар. Бывает? Легко! Опрокинули коптилку...

Мой взгляд упал на керосиновую лампу, что стояла на столе, освещая горницу мерцающим, неровным светом. Еле слышно потрескивал фитиль. Вот и ответ: вот точно такую же и опрокинули. Сколько таких случаев в необъятной Расее-матушке? Да не сосчитать!

План сложился в голове с кристальной четкостью: переж-

рались самогона, уроды. Началась драка, повода уже не узнает никто. Лампа опрокинулась. Горящий керосин разлился по полу, по половикам, по деревянным полам. Ослабевшие от побоев женщины тоже не смогли выбраться. Все сгорели. Концы в воду. Чистая, ясная, и неудивительная для всех история. Оставалось лишь все правильно обставить.

Я оторвал взгляд от лампы и взглянул через окно на улицу. Там, в лужах крови, у крыльца лежали два тела – мертвые «псы» кулака-миroeда. Прошка и Гришка-косой - вспыли в Мишкиной памяти их имена. Тяжелые, бездыханные, налитые свинцом здоровенные туши. А мне их еще надо в дом затащить... Не надорваться бы, ведь я сейчас натуральный задохлик, которого и ветром качает.

Сжал зубы до скрипа. Шагнул к дверям. Первым был Прошка - тот, кого я острой щепкой уработал. Ухватил его подмышки. Потянул. Сука, ну какой же он здоровый кабан! Слабая спина предупреждающе заныла. Ноги подрагивали, проскальзывая по траве.

Я был похож на мелкого муравья, волочащего в муравейник огромную мертвую гусеницу. Каждый шаг давался с хриплым стоном, вырывавшимся из горла помимо воли. Острый запах свежей крови ударил в ноздри, забивая вонь сивухи, дешевого табака и немытого тела.

Я тащил этого дохлого ублюдка, чувствуя, как трещит каждый позвонок и как «воет» от перенапряжения поясница. Казалось, еще немного – и хрустнет что-то внутри, или

лопнет. Но вот и порог. Я перевалил тушу через него, едва не рухнув сам, и Прошка с глухим мягким стуком бухнулся на половик. Так на половике я его в горницу и отволоку.

Вдох-выдох. Руки дрожат. Ноги ватные. Спина горит. Но, надо идти, за второй тушей.

С Гришкой, к счастью, было полегче. Он был суше, костистее и куда меньше весил. Я волок его на крыльцо за ноги, а его голова мерно стучала по грязным ступеням крыльца. Тук-тук-тук, словно сам дьявол стучал в двери этой избу, просясь в гости.

В горле стоял ком от натуги, в висках стучало. Руки ходили ходуном, но я справился. Всядохлая гоп-команда в сборе. Я рухнул на лавку, давясь кашлем и смотря сквозь пелену усталости на пять мёртвых тел. Да уж, круто началась моя адаптация в этом мире. Что же меня дальше-то ждёт, учитывая грядущие потрясения в стране?

Но, хватит рефлексий! Пока дело не сделано - совершенно не до философских рассуждений. Отдышался. Теперь нужно расставить эти «шахматные фигуры» на соответствующие «клетки доски».

Схватив Прошку под мышки, поволок его к столу. Усадил спиной к ножке, сунув в руку большую бутылку с самогонном. Пришлось разжимать окоченевшие пальцы и с силой вкладывать в них стеклянное горлышко. Потом занялся Гришкой-косым, которого пристроил возле Мишкиной матери.

После притащил с улицы колун, которым то был убит, и

положил возле раздробленного затылка уroda. Осмотрелся, прикидывая, как можно трактовать события, произошедшие в доме. По всем прикидкам выходило следующее: хозяин дома, насилуя, задушил Мишкину сестру, а Гришка-косой, удерживая обезумевшую мать, неосторожно свернул ей шею.

А ворвавшийся в дом и отчего-то рассвирепевший Прошка раскрыл колуном голову подельника и зарубил хозяина дома топором. После чего вдрызг напился, опрокинул лампу со стола, и все сгорели. Так себе, конечно, версия – любой опытный сыскарь не оставит от неё камня на камне, но ничего другого устроить так быстро я не смог.

Если особо не приглядываться, был только один затык во всей этой истории – рана от щепки, которой я пробил Прошке глотку. Она была маленькой, «незаметной», и я надеялся, что мягкие ткани трупа в пожаре, который я сейчас устрою, сгорят дотла. Кто будет вглядываться? Может, и прокатит мой спектакль.

Закончив с «декорациями», я на скорую руку обыскал дом. Мне нужны были хоть какие-то средства для выживания. Особо много денег я у кулака не нашел, видимо он хранил их в каком-то тайнике, но что-то около трех сотен рублей я всё-таки умудрился экспроприировать.

По Мишкиным меркам это вообще была огромная сумма. Ведь рабочий в городе сейчас получал в среднем 35-40 рублей в месяц. Я нашел в сенях крепкий сидор, в который засунул хороший охотничий нож, краюху хлеба, несколько

копчёных колбас, крупы и добрый кусок солонины, которые обнаружил в амбаре.

Туда же отправился и небольшой закопченный котелок – надо же будет в чём-то варить экспроприированную у кулака крупу. НУ, и ложку тоже не забыл. Но еще больше, прямо как родному, я обрадовался найденному у Фрола обреза и патронам, которые упрятал в тот же ситор.

Так-то у чертова упря хватало охотничьего снаряжения, но таскать его с собой было неразумно. Обрез - совсем другое дело. Итак, остался последний штрих - лампа. Я еще раз огляделся. Да, все как надо. Тяжело вздохнул и подошел к столу.

- Прости, Мишка, - хрипло пробормотал я, - что вышло так, а не иначе.

И опрокинул лампу на пол. Пламя с жадным шипением побежало по пролитому керосину, с жадностью накинлось на самогон, вытекающий из бутылки в руке Прошки. Затем стало лизать половики, взбираться по ножке стола. Языки огня потянулись к еще подающему признаки жизни телу гребаного упря.

Я вышел на улицу, захлопнув за собой дверь. Вскоре из-под стрехи повалил густой дым, а вскоре рванет и жаркое пламя, которое скроет все следы, все свидетельства моего присутствия. Все, кроме пепла и обугленных костей.

Я сделал глубокий вдох. Воздух был холодным и чистым. Мишкина боль окончательно отступила, оставив лишь лег-

кую, фантомную тяжесть на душе. Но это было ничто по сравнению с всепоглощающим чувством свободы. Я был жив. Я был молод. Я был свободен.

Повернувшись спиной к дому, который уже вовсю пылал, отражаясь заревом в моих сухих глазах – норма слёз на сегодня уже выплакана, я зашагал прочь от горящего подворья кулака, навстречу своей новой жизни.

[1] Становой пристав и полицейский урядник — нижние чины и должностные лица уездной полиции в Российской империи (XIX — нач. XX вв.). Становой пристав возглавлял стан (несколько волостей), отвечая за порядок. Урядник (учреждены в 1878 г.) был его ближайшим помощником на селе, осуществляя надзор за сотскими и десятскими.

Глава 5

Сознание вернулось ко мне мучительной, раскалывающей голову болью. Сперва я не понял ничего: ни где я, ни что со мной. Сквозь сомкнутые веки бил яркий, но рассеянный свет. Воздух был густым, тяжелым и пряным — пахло дымом костра, полевыми травами и жареным мясом, от запаха которого, даже не взирая на терзающую меня головную боль, рот наполнился слюной, а в животе заурчало.

Я лежал на чем-то мягком, укрытый «лохматым» и грубым на ощупь одеялом. Под трещавшей, словно с крепкого похмелья, головой даже ощущались какие-то подушки. Где это я? С трудом разлепив веки, я попытался сесть, но мир поплыл, руки подогнулись, и я снова рухнул на подушки, издав тихий стон.

Только теперь до меня дошло, что я нахожусь внутри огромного шатра. Его высокий конусообразный свод поддерживал центральный шест, украшенный причудливой резьбой. Стены были сшиты из плотного, но основательно потертого на швах брезента и расшиты яркими, пестрыми лоскутами материи, образующими сложные, гипнотические узоры.

Сквозь прорехи в пологе пробивались лучи солнца, превращая частицы пыли, витающие в воздухе, в золотые тан-

цующие спирали. Внутри царил уютный, обжитый хаос. На сундуках, окованных потертой медью, лежали расшитые золотой нитью подушки. С полок, сколоченных на скорую руку, свисали пучки сухих трав, связки чеснока и какие-то корешки.

Где-то в углу поблескивал медный таз, а рядом на грубой циновке стояли глиняные кувшины и деревянные миски причудливой формы. Из-за стенок шатра до меня доносились какие-то звуки: невнятная речь, громкий смех, ржание лошадей, и тягучий заунывный напев.

Голова раскалывалась, когда я попытался собрать осколки памяти в единую картину. Я, вроде бы, помнил все до мельчайших деталей. Как я, стиснув зубы, выбрался огородами из Никольского, петляя между заборами, падая в грязь, слыша за спиной громкий набат. Помнил пожарище усадьбы Фрола Кузьмича, зарево которого еще долго виднелось за моей спиной.

Помнил, как бежал через поля, спотыкаясь о распаханные борозды. Помнил, и как добрался до ближайшего леса. Помнил, как сумка с припасами и обрезом оттягивала плечо. Помнил, как всю ночь безостановочно шел, глубже и глубже уходя в чащу, стараясь убраться как можно дальше от неприятливо встретившего меня села.

Ветки хлестали по лицу, под ногами хрустел сухой хворост, и каждый звук заставлял оборачиваться и вжиматься в землю в ожидании погони. Но никакой погони не было, да

и не могло быть. Просто об этом вопили Мишкины чувства, которые я временами не мог мгновенно усмирить. Я шел, пока ноги не стали подкашиваться, а в глазах не поплыли черные круги.

Я помнил, как наконец выбрался на опушку и увидел, как первые утренние лучи окрасили восток кроваво-багровым светом. Это зарево напомнило мне пожар в усадьбе, и по спине пробежала ледяная дрожь. Я почувствовал, как последние силы покидают меня.

Ноги подкосились. Я рухнул на мокрую от росы траву, судорожно вцепившись пальцами в холодную землю. Я пытался подняться, но не мог. Перед глазами поплыла темнота, густая и бездонная, которая накатила и поглотила меня без остатка. И после — ничего. Лишь пустота и небытие.

И вот теперь я здесь. В этом странном, пестром шатре, среди незнакомых запахов и звуков. Я снова попытался приподняться на локте, и на этот раз мне это удалось. Как раз в этот момент тяжелая занавеска у входа в шатер откинулась, и в проеме, очерченная ослепительным солнечным светом, появилась высокая смуглая женщина, лет сорока, в длинной цветастой юбке. Ее темные, пронзительные глаза внимательно и без испуга изучали меня.

- Дэвла! Неужто очнулся, болезный? — произнесла она хрипловатым, мелодичным голосом.

[Дэвла! – Боже! (цыг.)]

- Похоже на то... - осторожно ответил я. – Долго я так... провалялся?

Кусочки мозаики наконец-то встали на свои места, и я понял, что нахожусь в цыганском таборе. Шатры, ржание лошадей, цветастая юбка женщины, да и сама внешность незнакомки – всё это подтверждало мои догадки.

- Трин дивэс, - ответила цыганка.

- Три дня? – догадался я.

- Да, - подтвердила она. - Думали, отходишь уж к праотцам своим. А глядишь ты – оклемался, чяво!

[Чяво – мальчик, парень (цыг.)]

- Жар плохой, лютый, тебя двое суток не отпускал, – сказала женщина, приблизившись ко мне и опустившись рядом на нары. Её движения были плавными и бесшумными. Она приложила прохладную ладонь к моему лбу, и от её прикосновения отчего-то стало спокойно, как в далёком детстве. – Бредил ты страшно. Кричал...

Она поправила повязку на моей голове, протянула руку и взяла глиняную кружку, стоявшую на низком деревянном сундуке.

- Пей! - Протянула она мне неказистую тару. - Это отвар. Он силы тебе вернёт, и боль успокоит.

Я благодарно кивнул и принял кружку. Подлечиться, дей-

ствительно, не помешало б. Может, голова хоть немного пройдет. Горьковатый травяной напиток обжѐг губы, но с каждым глотком по телу разливалось блаженное тепло, действительно унимая боль и разгоняя муть в голове.

Хрен его знает, чего она туда намешала, но я выпил «лекарство» до дна. Пока пил эту горькую тягучую жижу, еще раз осмотрелся. Шатѐр был небогатым, но весьма уютным. На земле – пѣстрые домотканые ковры и старые шкуры.

– А... а мои вещи? – спросил я, внезапно вспомнив про свой сидор в котором остался обрез.

– Не переживай, чяво, целы твои вещи, – кивнула женщина. – И сумка твоя, и... железо твоѐ. Никто из ромалэ ничего у тебя без спросу не возьмѐт.

А вот это заявление мне показалось весьма странным, я эти вещи четко улавливаю. Она сказала «у тебя не возьмѐт». Выходит, что у другого они бы легко взяли, совершенно не терзаясь угрызениями совести. Интересно, чем это я им так приглянулся, что у меня появились такие привилегии?

– Меня зовут Рада, – произнесла цыганка, прикоснувшись рукой к своей груди.

– А меня – П... Михаил... – с небольшой запинкой ответил я. Моѐ старое имя умерло вместе со мной там – в будущем. – Можно просто Миша, – добавил я.

– Странно, а в бреду ты именно с Мишей говорил... – удивила она меня. – Прощения просил, что семью его не смог уберечь – мать и сестру. – Она помолчала, глядя на меня сво-

им пронзительным взглядом, будто пытаюсь прочесть что-то скрытое.

- Не знаю, - пожал я плечами, - отчего так вышло. Мои мать с сестрой действительно мертвы, - произнёс я, чувствуя, как вновь накатывает на меня Мишкина горечь от потери. - А что вообще со мной произошло?

- Мы нашли тебя в лесу, чяво, - ответила цыганка, - с пробитой головой. Ты был жив, но душа твоя держалась на волоске...

- А почему не бросили меня там, а решили выходить? – в лоб спросил я, решив сразу расставить все точки над «и». Как-то не верится, что ромалы решили выходить полумёртвого чужака? Не то нынче время – каждый думает, как бы самому выжить.

- Речь не мальчика, но мужа, - удивленно произнесла цыганка, а я понял, что это явный прокол. Насчёт спасения - это ты у нашей шувани[1] спроси, - пожала плечами женщина. – Если бы не она... мы бы, действительно, просто проехали мимо – табору проблемы не нужны, - честно призналась цыганка. – Пока отдыхай, чяво, а я её сейчас позову. Выпей еще... - Она подлила в мою кружку еще отвара, а затем вышла, оставив меня наедине с гулом табора.

В её словах не было угрозы, и я постарался расслабиться. Я сделал ещё один глоток горького отвара, прислушиваясь к жизни табора за стенкой шатра. Эти звуки, смешиваясь с теплом от отвара, разливающимся по телу, вызывали стран-

ное чувство отрешенности.

Голова, действительно, уже почти не болела, тело слушалось, хоть и было слабым, как после долгой болезни. Но я уже полностью пришёл в себя и, если что, мог уж и дать отпор. Хотя, вроде бы, никто не собирался на меня сейчас нападать. И вообще, они могли бросить меня на произвол судьбы, но отчего-то не сделали этого.

- Шувани... – прошептал я тихо.

Это цыганское слово было мне известно. Значит, тут есть своя знахарка, ведунья. Та, что решила мою судьбу и не бросила умирать в лесу. Интересно, что она увидела во мне такого, что заставило её помочь? Неужели просто милосердие? Сомневаюсь – слова Рады о том, что «у другого бы взяли», не давали мне покоя. Здесь явно действовали свои, неизвестные законы.

Шатер приоткрылся, и в него бесшумно проскользнула невысокая худая старуха. Она была облачена в темные, многослойные одежды, а с шеи на цепях свисали амулеты из костей, камней и дерева. Её лицо было изрезано морщинами, как старый дуб корой. Но глаза...

Глаза были «бездонными», яркими и пронзительными, как глубокий зелёный омут. Они уставились на меня, как будто засасывая. И под этим взглядом я почувствовал себя абсолютно голым, словно вывернутым наизнанку. У меня неожиданно возникло такое ощущение, как будто она знала про меня всё.

Не говоря ни слова, она подошла к лежанке, её пальцы, сухие и легкие, как прутьики, прикоснулись к моей голове, обожгли туго замотанную тряпкой рану. От её невесомого прикосновения по коже побежали крупные мурашки. Я как будто почувствовал струящуюся от неё энергию. Не простая это бабка! Ох, не простая!

- Ну что, чяво, – её голос был скрипучим, и вызывал непонятную дрожь у меня в душе, – вижу, жить будешь. Силы вернулись?

- Спасибо вам, уважаемая! – с чувством поблагодарил я. – За то, что не прошли мимо...

Старуха хмыкнула, её лицо озарила кривая ухмылка. Она тихо уселась на край лежанки. Её движения были еще плавнее и бесшумнее, чем у Рады.

- Наша дорога не терпит мёртвых. Они могут привлечь зло. Но ты... ты не простой мулò[2]. Я чувствую в тебе неведомую силу, способную перевернуть весь мир.

Я замер, чувствуя, как холодеют пальцы. Она говорила явно обо мне.

- Кто вы такая? – выдохнул я. – Колдунья?

- Да, шувани, - подтвердила старуха. - Та, что видит невидимое обычными смертными. Ты уже умирал... И это тело, не принадлежащее тебе – тоже. Но, тем не менее, ты всё равно жив. Значит, Высшим Силам что-то надо от тебя. А кто я такая, чтобы становиться у них на пути?

Она наклонилась ко мне ближе, и я почувствовал, как от

неё пахнет горькой полыньёю.

- Пока отдыхай, дромари. Набирайся сил. Твой путь ещё не закончен. Он только начался.

[Дромари – путник (цыг.)]

Она так же бесшумно поднялась и вышла, оставив меня в оцепенении. «Ты уже умирал... И это тело, не принадлежащее тебе – тоже». Как она могла это знать? Никто, абсолютно никто в этом мире не мог этого знать. Но эта старуха «увидела» всё. С научной точки зрения это необъяснимо, как, впрочем, и моё появление здесь.

Жизнь табора за пределами шатра текла своим чередом, а я лежал и чувствовал, как моя незыблемая реальность раскалывается на части. Я схватился за голову, но не от физической боли (голова почти перестала болеть), а от попытки осмыслить сказанное.

«Неведомая сила»? «Перевернуть весь мир»? Мысли опять спутались, смешиваясь с дурманящим действием отвара. Я закрыл глаза, и перед ними поплыли кошмарные видения, преследующие меня еще в «прошлой» жизни. И мне пришлось основательно потрудиться, чтобы не сойти с ума.

Я не знаю, сколько прошло времени – час или несколько минут, когда шатёр снова распахнулся. На пороге стояла Рада. В её руках дымилась миска с густой похлёбкой.

- Ну что, виделся с нашей шувани Сайей? – спросила она,

ставя еду рядом со мной. По её глазам я понял, что разговор с шувани не был для неё тайной.

- Виделся, – хрипло ответил я. – Она... много чего наговорила.

Рада лишь мудро улыбнулась.

- Сайя не говорит - она предрекает. Её слова – не просты. Но если ты их сумеешь разгадать – ты сможешь многое, чяво. – Она присела рядом. – Прислушайся к ней. Глупый не слушает, а умный – слушает и готовится.

- К чему мне готовиться? – с вызовом спросил я, впервые за долгое время чувствуя не страх, а знакомую ёдкую злость. – К тому, что я должен «перевернуть мир»?

Цыганка покачала головой, её серьги и монисто на груди мелко зазвенели.

- Ромалы[3] говорят: не человек выбирает дорогу, а дорога выбирает человека. Ты думаешь, ты здесь оказался случайно? Нет. Ты был приведён силами, неподвластными человеческому разумению. Для чего – время покажет.

Она встала, показывая на миску.

- Ешь. Сила нужна не только для тела, но и для духа. Завтра шувани поговорит с тобой снова. Она сказала, пора «открыть тебе глаза».

Фраза прозвучала зловеще. Я не был уверен, что хочу, чтобы мне «открывали глаза». Мне с лихвой хватало и своих собственных кошмаров. Но выбора, как обычно, мне не оставили. Что ж, я уже готов ко всему, что уготовила мне

судьба.

Я машинально взял миску. Похлёбка оказалась на удивление вкусной и сытной. Да, цыганка была права - надо было набираться сил. Завтра мне предстояло выяснить, что эта старая колдунья подразумевает под словами «открывать глаза». И какую цену придётся заплатить за то, что они не прошли мимо моей бессознательной тушки.

Теплая похлебка, густая и наваристая, поначалу вернула мне ощущение твердой почвы под ногами. Каждый глоток был глотком жизни, отгоняющим наваждение и призрачные страхи. Но сытость оказалась обманчивой. Едва я опустошил миску, как меня вдруг накрыла свинцовая волна усталости.

Веки стали невыносимо тяжелыми, мысли снова поплыли, на этот раз не от дурмана, а от перенасыщения. Я едва успел отодвинуть посуду, как провалился в черную, бездонную яму забвения, где не было ни кошмаров, ни старой колдуньи Сайи, ни всего этого безумного мира прошлого.

На этот раз мой сон был без сновидений и похож на «обычную» черную яму, в которую я провалился. Однако, полноценно выспаться мне не удалось – меня грубо встряхнули, жестко и болезненно вернув в жестокую реальность.

- Чяво! Миша! Вставай! Немедленно!

Голос Рады был сжат, как взведённая пружина, в нем не осталось и следа от вчерашней тихой рассудительности. Она безжалостно трясла меня за плечо, и в ее глазах, которые я успел разглядеть в полумраке шатра, стояла тревога.

- В чем дело, Рада? - попытался я протестовать спросонья.

В ответ она с силой сунула мне в руки мой же собственный вещмешок, с которым меня и нашли.

- Держи. Быстро, чяво! Тебе надо уходить!

Я машинально ощупал его содержимое. На ощупь всё было на месте: и завернутая в тряпицу еда, и холодный металл обреза, и горсть патронов к нему. Пока я приходил в себя, Рада уже засовывала мне в свободную руку пачку смятых шуршащих ассигнаций.

- Твои деньги...

- Часть возьмите себе... - Я попытался оттолкнуть ее руку, но цыганка была сильнее и настойчивее.

Она буквально насильно впихнула мне в пальцы пачку бумажек. Триста рублей, которые я экспроприировал в доме грёбаного Фрола Кузьмича. Целое состояние, за которое здесь, в таборе, наверное, могли бы и убить.

- Не надо – тебе нужнее! Бери и не спорь – так сказала Сайя!

- Рада, в чем дело? - наконец выдавил я уже более осознанный вопрос, сжимая в одной руке мешок, в другой - деньги, чувствуя себя полнейшим идиотом. – Ведь всё было хорошо...

Она на мгновение замерла, прислушиваясь к чему-то за стенкой шатра, а потом из нее посыпались слова, быстрые и отрывистые, как пули:

- Полиция. В табор прибыл отряд с урядником. Ищут то-

го, кто убил пятерых человек и сжег усадьбу в Никольском. Им донесли, что мы подобрали какого-то раненного русского. Они уже здесь. Беги, пока тебя не нашли, чяво! Беги сейчас же! Даст Бог – еще встретимся! А сейчас – тебе надо уходить!

[1]Шувани (suvani): Цыганская колдунья, ведунья, способная лечить и прорицать.

[2]На цыганском языке «человек с того света» или «выходец из мира мертвых» чаще всего обозначается словом муло́.

Это понятие гораздо шире, чем просто «призрак»:

- Этимология: Слово происходит от причастия mulo — «умерший», «мертвый».

- Смысл: Так называют дух покойника, который по каким-то причинам вернулся в мир живых. В цыганской культуре верят, что муло может принимать человеческий облик или вид животного.

[3] «Ромалы» (от цыганского *рома* — цыгане) — часто используемое в литературе и речи обращение к цыганам, означающее «цыгане» или «свои люди». Это слово подчеркивает этническую принадлежность, самоназвание (мн. ч. — рома, ед. ч. — ром) и культурную общность этой группы, особенно распространенной в Восточной Европе и России.

Глава 6

Интерлюдия

Некоторое время назад

Двор представлял собой жалкое и устрашающее зрелище. От добротной когда-то избы остался лишь почерневший остов, как обглоданный гигантской зверюгой скелет. Крыша зажиточного дома, крытая дорогушим оцинкованным железом, провалилась, и сквозь обугленные балки и стропила просвечивало хмурое утреннее небо.

Среди пепелища, как черный надгробный памятник эфемерности бытия, высились массивная закопченная печь. Воздух был густым и едким, он вяз в горле привкусом гари, спекшегося мяса и еще чего-то сладковато-приторного, от чего на душе у присутствующих здесь людей становилось скверно.

Кое-где из-под груды головешек еще упрямо вился сизый ленивый дымок. По этому жуткому пепелищу осторожно, стараясь не испачкать в саже форму, двигались темные фигуры уездных полицейских стражей[1]. Они расковыривали палками пепел, что-то искали, временами перешептываясь друг с другом.

В центре этого ада, неподалеку от еще исходящих теплом

развалин, стоял полицейский урядник - плотный мужчина с закрученными усами и властным взглядом. Рядом с ним, сняв шапку и нервно теребя в руках кончик своей седой жиденькой бородёнки, стоял сельский староста. Лицо его, испещренное морщинами, выдавало крайнюю степень уныния, но в прищуренных хитрых и умных глазах читалось любопытство.

- И много же, говоришь, у Фрола добра-то было? - допытывался урядник, сверля старосту грозным взглядом.

- Богат был Фрол Кузьмич, ваше благородие, - «униженно» склонив голову, проскрипел старик. - Крепко на ногах стоял. Хозяйство серьёзное поднял, да только лют был без меры, да прижимист и скуп... Почитай, чуть не больше половины села у него в должниках ходила. А он с них за это по три шкуры драл, как будто креста на нём нет. Вот народишко на него зубы и точил. Не удивлюсь, что кто-то в отместку ему «красного петуха» подпустил...

Немного поодаль от дымящегося и еще стреляющего огоньками сруба, слонялся по усадьбе молодой человек в слишком чистом для этого места пальто и с новеньким саквояжем в руках. Это был земской врач, присланный «с оказией» из уезда, засвидетельствовать факт смерти, а то и насильственной. Своего медикуса в волости не было.

Лицо «хосподина дохтура» (как поименовал его староста), еще недавно бывшего студией и не успевшее утрачить юношеской мягкости, было немного бледным и слегка

напряженным. Он то и дело поправлял на носу круглые очёчки и нервно облизывал губы. Однако, это не помешало ему внимательно разглядеть аккуратно разложенные на брезенте рядом с уцелевшим каретным сараем почерневшие и обезображенные останки пяти человек.

Запах здесь вокруг «угоревших» стоял такой «специфический», что молодому человеку несколько раз пришлось подавлять подступающую тошноту, отворачиваясь и делая глоток «свежего» воздуха. Несмотря на это, молодой доктор горел профессиональным любопытством, стараясь не упустить ни одной мелкой детали.

Он то и дело подходил то к уряднику, то к солдатам, стараясь говорить уверенным тоном, который у него, ну, никак не выходил.

- Господин урядник, позвольте обратить ваше внимание на несколько фактов, которые могут пролить свет на совершенное преступление и помочь вам его быстро раскрыть...

Урядник медленно, с нескрываемым раздражением, повернулся к доктору, непочтительно перебив его на полуслове:

- Молодой человек, вы трупы осмотрели? Вот и зафиксируйте сам факт смерти. А кто, как и почему — это уж моё дело. Понятно?

Доктор смущенно отступил, но ненадолго. Его взгляд вновь упал на обугленные останки.

- Но посмотрите, здесь, кажется, была травма черепа еще

до возгорания... - Снова не удержался он, указав на раздробленный затылок одного из трупов.

Урядник опять поморщился – было видно, что он не хочет выискивать какие-то несоответствия. Здесь, в этой глуши, ему было куда проще списать все на бытовую пьянку и роковую случайность. Но чёртов докторишка никак не успокаивался! А ведь по приезду он мог легко озвучить свои предположения господину становому приставу, и тогда может не поздоровится и самому уряднику.

- Начитаются бульварных романов, и строят из себя сыщиков! – тихо выругался полицейский. – Шерлок Холмс, доморощенный, выискался! Что вы хотели мне сообщить, милейший! – уже громче добавил он, подходя к брезенту с зажаренными телами, возле которых суетился молодой врач.

– Вот, извольте взглянуть, – дрогнувшим от волнения, но полным убежденности голосом заговорил доктор, указывая тонким пальцем в кожаной перчатке на страшные останки. – Обратите внимание на затылочную часть этого трупа. Она раздроблена, и это – следы удара тяжелым тупым предметом. Кровь и... и мозговое вещество... они запечены жаром, а значит, травма была получена до возгорания. Этот человек был уже мертв или, по крайней мере, смертельно ранен, когда огонь только начал распространяться... Нужно искать в пожарище орудие убийства...

Урядник, хмурый и недовольный, все же нехотя склонился над брезентом. Он молчал, тяжело дыша и с отвращением

морщась от срада. Его взгляд скользнул по указанному месту, и что-то в его глазах дрогнуло – упрямое нежелание видеть очевидное начало медленно отступать перед железной логикой фактов.

- И это еще не все, ваше благородие, – продолжал врач, обретая уверенность. Он перешел к другому, самому крупному из тел, опознанному старостой, как хозяин поместья. – А здесь... видите? – Он обежал скрюченное тело со спины. – У него рана – некоторые рёбра как будто топором рубили... Вон, даже невооруженным глазом видны повреждения на костях! – Он обернулся к уряднику, и в его глазах уже не было робости. – Господин урядник, я ответственно заявляю – это не несчастный случай. Это злодейское убийство, и, вероятно, не одного человека. Кто-то огнем пытался скрыть следы своего преступления.

Полицейский выпрямился. Он тяжело вздохнул, посмотрел на догорающие головешки, оставшиеся от дома, на почерневшие скелеты бревен, на толпу, затихшую в отдалении и с жадным, пугливым любопытством наблюдающую за их беседой. Его лицо стало серьезным и озабоченным. Прежнее раздражение исчезло, уступив место холодной служебной ответственности и дурному предчувствию.

– Ладно... Допустим, убийство, – процедил он сквозь зубы, снимая фуражку и проводя рукой по вспотевшему лбу. – Допустим, что даже вы правы, господин доктор. Только вот вопрос, – он бросил исподлобья тяжелый взгляд на молодого

человека, - зачем вам это всё? Ваше дело – просто констатировать смерть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.